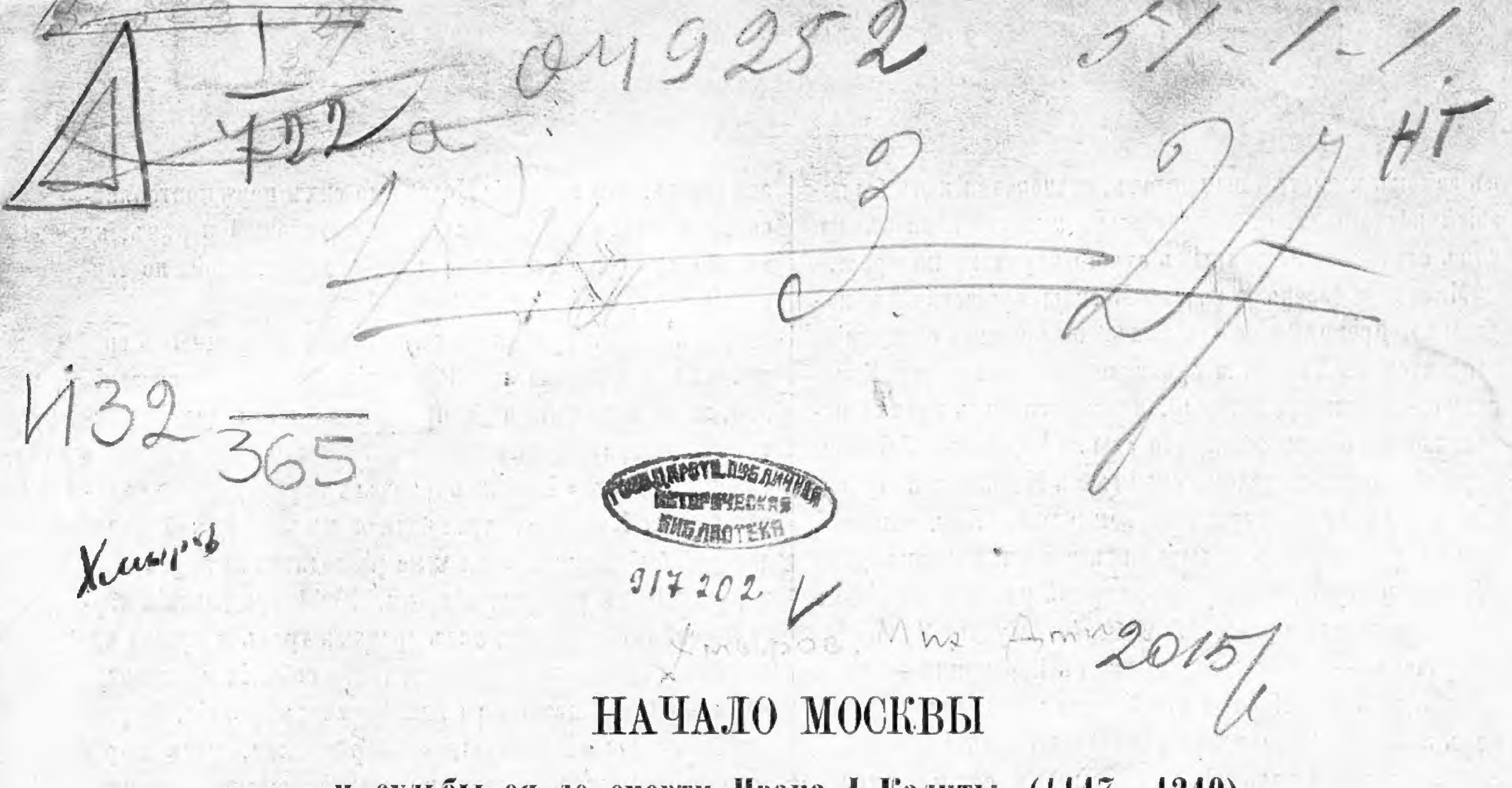

И32
365

НАЧАЛО МОСКВЫ

и судьбы ея до смерти Ивана I Калиты. (1147—1340).

(Исторический очеркъ).

Спроси на стогнѣ каждый камень:
Онъ былъ попранъ врага ногой,
Его омыла кровь рѣкой
И полизалъ пожаровъ пламень!

Мерзляковъ[1]),

Москва на крови стоитъ.

Народная поговорка

Полагаютъ, что, во времена доисторическія, мѣстность нынѣшней Москвы составляла часть страны, населенной финскими и славянскими народцами, самыя названія которыхъ давно забыты. Въ XII в., исторія застаетъ уже мѣстность эту въ чертѣ княжества суздальскаго, долженствовавшаго служить переходнымъ звѣномъ отъ кіевскихъ родовыхъ порядковъ къ московскому государственному единству, и сопредѣльно съ нею, именно въ можайскомъ и верейскомъ уѣздахъ нынѣшней московской губерніи, по теченію р. Поротвы, находитъ народецъ *Голядь*, который, выселившись, на Поротву по мнѣнію Карамзина, изъ прусской Галиндіи (Galindae), извѣстной еще Птоломею [2]), былъ, въ 1147 г., покоренъ кн. Святославомъ Ольговичемъ черниговскимъ. Это покореніе кн. черниговскій совершилъ, такъ сказать, мимоходомъ, въ то время, когда онъ, вытѣсненный изъ южной Россіи великимъ княземъ кіевскимъ, спѣшилъ на сѣверъ, подъ защиту своего союзника, кн. Юрія Владиміровича суздальскаго, который, передъ тѣмъ, писалъ къ нему: «Приди, брате, ко мнѣ въ Московъ» [3]). Впервые упомянувъ, такимъ образомъ, о Москвѣ, какъ мѣстѣ существующемъ, лѣтописецъ повѣтствуетъ, что князья-союзники съѣхались въ Москвѣ и «любезно цѣловастася въ день пятка, на Похвалу Богородицы», что въ 1147 г. приходилось 4 апр., а далѣе описываетъ самое пиршество князей, при чемъ не забываетъ разсказать о рѣдкомъ красотою пардѣ, подаренномъ кн. Юрію сыномъ Святослава, Олегомъ, и разсыпается въ похвалахъ искренней дружбѣ и щедрости князей, особенно Юрія, богато одарившаго тогда всѣхъ бояръ Святославовыхъ. Но о томъ, что̀ такое была въ то время Москва, лѣтописецъ не говоритъ ни слова,—и это очень естественно, потому что тогда, въ самый разгаръ княжескихъ усобицъ, вниманіе всѣхъ лѣтописцевъ и нелѣтописцевъ было исключительно устремлено на ежедневныя перипетіи эгоистическихъ владыкъ русской земли и никто не могъ провидѣть роли, какую, въ судьбахъ этой земли, надлежало, современемъ, играть именно Москвѣ. Впослѣдствіи же, когда историческое значеніе Москвы выяснилось, начало ея стало возводиться къ миѳамъ и облеклось баснями, на которыя были особенно щедры въ XVII в. И хотя ни миѳъ, ни басня не составляютъ существа исторіи, они не могутъ однако быть обойдены историкомъ, который, за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, обязанъ, въ извѣстномъ смыслѣ, принимать къ свѣдѣнію и миѳы съ баснями, критически выбирая и оцѣнивая между ними особенно преданія народныя, потому что послѣднія, въ такихъ случаяхъ, всегда существуютъ и,

[1]) «Пѣснь на заложеніе храма Христа Спасителя въ Москвѣ, на горахъ Воробьевыхъ», А. Мерзлякова. См. Труды Общества любителей Россійской Словесности. 1817. Кн. XIV, с. 4.

[2]) Исторія Государства Россійскаго. Н. Карамзина. Изд. Эйнерлинга (5-е), т. II, прим. 110.

[3]) Лѣтопись Ипатьевская. См. Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. II. (Изд. 1843 г.), с. 29.

въ самомъ качествѣ вымысловъ, становятся какъ бы поэзіей исторіи, т. е. предметомъ, никогда и ни въ какомъ случаѣ не лишеннымъ строго-научнаго интереса.

Миѳовъ и басень о началѣ Москвы существуетъ нѣсколько. Древнѣйшая изъ нихъ, по времени сочиненія, относится къ XVII в. и принадлежитъ бѣлоруссу Каменевичу-Рвовскому, который, неизвѣстно изъ какихъ источниковъ, объясняетъ, что «сынъ Іафеѳовъ, *Мосохъ*, первый обитая съ родомъ своимъ въ Московской губерніи, имѣлъ прекрасную жену, именемъ *Кву*, сына *Я*, дочь *Взу*; что ихъ четырьмя именами названы рѣки *Москва* и *Яуза*; что Мосохъ, первый князь и патріархъ Россіи, основалъ *городъ Московскій* на устьѣ Яузы» [4]. «Впрочемъ — тутъ же досказываетъ Карамзинъ—мысль производить имя Москвы отъ Мосоха гораздо старѣе временъ забавнаго Каменевича, писавшаго въ 1699 году. Татищевъ изъяснилъ сіе имя языкомъ *сарматскимъ*, на которомъ оно, по его словамъ, знаменуетъ *искривленное, излучистое*; а славный Баеръ, худо зная по русски, думалъ, что городъ Москва такъ названъ отъ *мужескаго* монастыря» [5]. Другіе этимологи силились истолковать названіе Москвы иначе. Такъ, ученый нѣмецъ Шлецеръ видѣлъ въ окончаніи *ва* финнское происхожденіе Москвы. Не менѣе ученый славянистъ Долуга-Ходаковскій доказывалъ, что названіе Москвы, нерѣдко измѣняемое иностранцами въ *Московъ*, родилось отъ *мостковъ*, которые, бывъ настланы черезъ рѣку Москву въ то время, когда она слыла *Смородиной*, составляли славу первонасельниковъ лѣсистаго московскаго семихолмія [6]. Не столько ученый, сколько почтенный Макаровъ раздроблялъ названіе Москвы на слоги и, находя послѣдній однозначащимъ азіатскому (?) слову *ква*, камень, кремень, — откуда, по его мнѣнію, и кремникъ или Кремль, — не зналъ, что дѣлать съ первымъ слогомъ, созвучнымъ рѣченія *мась*, которое значитъ: по цыгански—*мясо*, по германски — *мѣра*, по казикумыкски — *языкъ*, по якутски *дерево* и т. д. [7]. Изъ современныхъ изслѣдователей московскихъ древностей, г. Вельтманъ производитъ названіе Москвы отъ татарскаго *Масхія*, т. е. Христіанская земля (*Мясыхъ* — Христосъ), а г. Снегиревъ—отъ русскаго *мохъ* и старонѣмецкаго *Moos*, т. е. болотистое мѣсто [8]. Не останавливаясь ни на одной изъ этихъ догадокъ, ни на родственности въ словахъ *Москва* и *Мордва*, находимой г. Вешняковымъ, [9]) замѣтимъ, что названіе Москва до сихъ поръ повторяется въ именахъ селъ, мѣстечекъ, пустошей и рѣкъ, не только губерній псковской и с.-петербургской, но также Польши, Силезіи и Верхней Лузаціи.

Что касается рукописныхъ сказаній старинныхъ грамотѣевъ о первоначальной исторіи Москвы, — сказанія эти, и въ остроуміи и въ правдоподобности, должны уступить даже этимологическимъ натяжкамъ позднѣйшихъ ученыхъ. Такъ «Лѣтопись о началѣ царствующаго великаго града Москвы», хранящаяся въ московской синодальной библіотекѣ, хотя и не расходится съ преданіемъ народнымъ въ утвержденіи, кн. Юрій суздальскій первый велѣлъ «содѣлати малъ древянъ градъ и прозва его Москва градъ», но обставляетъ это событіе анахронизмами, отнимающими у разсказа всякое вѣроятіе. Другая повѣсть о началѣ Москвы, «изобрѣтенная, какъ выражается Карамзинъ, совершеннымъ невѣждою», писанная размѣромъ старинныхъ русскихъ сказокъ и красующаяся въ «Книгѣ о древностяхъ Россійскаго государства (ч. I, т. II, л. 141 и слѣд.), исполнена, напр., такихъ нелѣпостей: Кн. Андрей Александровичъ владимірскій, сынъ Невскаго, узнавъ о смерти брата своего, кн. Даніила Александровича суздальскаго, убитаго шурьями, идетъ войною на вотчину послѣднихъ, овладѣваетъ ею, тутъ же казнитъ убійцъ, строитъ на мѣстѣ вотчинъ ихъ городъ Москву, гдѣ, не то въ 1383 т., не то въ 1291 г., воздвигаетъ деревянную церковь Благовѣщенія, и въ 1384 г. умираетъ въ Москвѣ, куда, въ 1385 г., пріѣзжаетъ на житье кіевскій митрополитъ Петръ и проч. и проч. въ томъ же родѣ. Не многимъ лучше этого совершеннаго баснословія слѣдующее, отысканное Карамзинымъ въ одной рукописи XVII в.: «Въ лѣто 6714 (1206) князь великій Данило *Ивановичъ* (?) послѣ Рюрика, короля римскаго, въ 14 лѣто пришедъ изъ Вел. Новограда въ Суздаль, и въ Суздалѣ родился ему сынъ Георгій, и созда во имя его градъ Юрьевъ Польской... и поѣха к. в. Данило изыскивати мѣста, гдѣ ему создати градъ престольный къ вел. княженью своему, и взя съ собою нѣкоего Гречина, именемъ Василія, мудра, зѣло, и вѣдающа, чему и впредь быти; и въѣхавъ съ нимъ во островъ теменъ, непроходимъ зѣло, въ немъ же бѣ болото велико и топко, и посредѣ того острова и болота узрѣ кн. вел. Данило звѣря превелика троеглава и красна зѣло... и сказа ему Василій Гречинъ: *Великій княже! на семь мѣстѣ созиждется градъ великъ, и распространится царствіе треугольное, и въ немъ умножатся различныхъ ордъ люди*... Князь же Данило въ томъ острову наѣхалъ посредѣ болота островецъ малъ, а на немъ хижина, а въ ней живетъ пустынникъ, а имя Букалъ, и хижина потому называется Букалова: и нынѣ на томъ мѣстѣ царской дворъ. И послѣ того к. в. Данило Ивановичъ съ тѣмъ же Гречиномъ спустя 4 дни, наѣхалъ горы, а въ горахъ хижину, и въ той хижинѣ

---

[4]) Ист. Гос. Рос. т. II. Прим. 301.

[5]) Тамъ же.

[6]) Русскій Историческій Сборникъ, изд. Импер. Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ. 1844, т. VII, с. 336—337.

[7]) «Значеніе именъ Москвы и городовъ ея», М. Макарова. См. Московскія Губернскія Вѣдомости. 1845. № 9. Отдѣлъ II.

[8]) Памятники Московской древности и проч. И. Снегирева. 1842—1845, с. CVII.

[9]) О причинахъ возвышенія Московскаго княжества, В. Вешнякова. 1851, с. 51.

человѣкъ римлянинъ, имя ему Подонъ, исполненъ св. Духа, и рече: *возлюби, князь великій, мѣсто сіе*, и на томъ мѣстѣ восхотѣ князь Данило домъ себѣ устроити. Той же Подонъ рече: *Княже! здѣ созиждутъ храмъ Божій и пребудутъ архіереи.* Князь же Данило въ шестое лѣто на хижинѣ Букаловѣ заложи градъ, и нарекоша имя ему Москва, а въ седьмое лѣто на горахъ Подонскихъ, на хижинѣ Подоновѣ, заложи церковь Спаса.... И по девятомъ лѣтѣ приде изъ Грекъ епископъ Варламъ къ князь Данилу, и многія мощи съ собою принесе; и князь Данило повелѣ ему освятити храмъ на горахъ Подонскихъ, и да ему область Крутицкую, и нарекоша его владыкою Сарскимъ и Подонскимъ: тако нарекоша Крутицы» [10]).

Понятно, что всѣ вышеприведенныя сказанія о началѣ Москвы, обилуя единственно забавною путаницею лицъ, годовъ и событій, ничего не объясняютъ историку, который волей—неволей обращается, наконецъ, къ устнымъ преданіямъ о томъ же предметѣ, и въ нихъ находитъ указанія, по крайней мѣрѣ, неизвращающія фактовъ историческихъ, а потому вѣроподобнѣйшія.

Въ настоящемъ случаѣ, это вѣроподобіе тѣмъ прочнѣе, что при самомъ поверхностномъ взглядѣ на сказанія грамотѣевъ и устныя преданія, послѣднія оказываются главнымъ матеріаломъ первыхъ, съ которымъ однако авторы сказаній обошлись сходственно русской поговоркѣ: тѣхъ же щей, да пожиже влей....

Дѣйствительно, и въ «Лѣтописи о началѣ царствующаго великаго града Москвы» и въ «Книгѣ о древности россійскаго государства», первовладѣльцами мѣстности нынѣшней Москвы указывается одинаково родъ суздальскихъ вотчинниковъ, по прозвищу *Кучко*, глава котораго, по сказанію «Лѣтописи», лично поносилъ великаго князя, за что лишился владѣній и жизни [11]), а по сказанію «Книги» — казненъ вмѣстѣ съ своими дѣтьми. Этихъ же Кучковичей знаетъ хорошо изустное преданіе, сохранившее въ самыхъ урочищахъ нынѣшней Москвы стародавнія названія помѣстьевъ Кучковыхъ, а именно: селъ: Воробьева — гдѣ теперь горы того же названія; Симонова — гдѣ Симоновъ монастырь, Высоцкаго — гдѣ Петровскій монастырь; Кудрина; Кулижекъ; Сухощава (Сущево); Кузнецкой слободы—гдѣ мостъ Кузнецкій;— деревень: на Вшивой горкѣ, гдѣ нынче Андрониковъ монастырь, и Красныхъ прудахъ; — городищъ: Стараго, Драчевскаго, Лыщикова, съ городецкими дворами на Яузѣ, и Бабьяго городка на правомъ берегу Москвы рѣки, противъ, такъ называемыхъ, Кіевцевъ. Еще въ 1395 г. существовало въ Москвѣ *Кучково поле*, примыкавшее къ урочищу *Поганый прудъ*, которое, бывъ по преданію, мѣстомъ жительства самаго Стефана Ивановича Кучки, не ранѣе начала *XVIII* в. переименовано *Чистымъ*. Въ вѣроподобности устнаго преданія, почитающаго мѣстность нынѣшней Москвы вотчиною рода Кучко, убѣждаетъ еще то обстоятельство, что и послѣ 1147 г., даже на оффиціальномъ языкѣ южанъ, т. е. Малороссовъ, слѣдовательно не Москвичей, Москва продолжаетъ еще слыть *Кучковымъ*, какъ это видно, напр., изъ слѣдующаго мѣста Кіевской лѣтописи, гдѣ при описаніи событій, сопровождавшихъ убіеніе кн. Андрея Боголюбскаго, говорится подъ 1175 г.: «Пойде Михалко и Всеволодъ братъ его изъ Чернѣгова. Святославъ же пристави (къ нимъ) сына своего, Володимера, съ полкомъ, мая въ 21 день. Вышедшю же Михалкови, поя его болѣзнь на Свинѣ, и носяша его на носилици, токмо еле жива, идоша съ нимъ до *Кучкова, рекше до Москвы*, и ту срѣтоша его Вълодимерци съ Андреевичемъ Юрьемъ; одни бо Володимерци бяху ему добри» [12]). Подтверждаясь, такимъ образомъ, и мѣстными и посторонними свидѣтельствами относительно Кучкова и Кучковичей, устное преданіе едва ли ошибается и въ приписываніи начала Москвы, какъ города, князю Юр. Вл. Долгорукому, съ личностью котораго, а также сына его Андрея, очевидно связываются печальныя судьбы Кучковичей, пріуроченныя бреднями XVII в. къ годамъ и лицамъ, обличающимъ единственно забавное невѣжество авторовъ этихъ бредней. Потому то, до тѣхъ поръ, пока не раскроется истинная исторія начала Москвы, нѣтъ причинъ положительно отвергать показаніе историка Татищева, который, основываясь на бывшей у него въ рукахъ и теперь утраченной рукописи Раскольничьей, считаемой Карамзинымъ мнимою, повѣтствуетъ, что кн. Юрій любился съ женою тысячскаго Стефана Кучка — и мужъ, пользуясь отсутствіемъ князя, воевавшаго тогда съ в. кн. кіевскимъ, увезъ жену въ деревню, на берега Москвы рѣки, самъ же хотѣлъ бѣжать въ Кіевъ, вслѣдствіе чего кн. Юрій поспѣшилъ прибыть изъ подъ Торжка на помощь къ любовницѣ, убилъ ея мужа, выдалъ дочь убитаго за сына своего Андрея, а на мѣстѣ владѣній Кучковыхъ или, по выраженію народному, *на крови*, заложилъ городъ [13]). Такъ или иначе, но построеніе кн. Юріемъ въ вотчинѣ Кучковой, Москвѣ, города, т. е. крѣпостцы, состоящей изъ деревяннаго тына, быть можетъ, съ наугольными шатровыми башенками и стрѣльницами, не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, особенно если сообразить, что самое понятіе Москва, даже много времени спустя послѣ Юрія, не всѣми принималось въ нынѣшнемъ значеніи города, но выражало собою названіе округа или, вѣрнѣе, области. Такъ въ договорной грамотѣ в. кн. Василія Дмитріевича

[10]) Ист. Гос. Рос., т. II, прим. 301.

[11]) «Той Кучко — говоритъ лѣтопись — возгордѣлся зѣло и не почте великаго князя, и поносивъ ему; князь же великій, не стерпя хулы, повелѣ боярина того смерти предати».

[12]) Ист. Гос. Росс., т. III, примѣч. 39.

[13]) Исторія Россійская и проч., собранная и описанная В. Н Татищевымъ. 1768—1784 г., ч. II, с. 300.

съ удѣльнымъ княземъ Юріемъ Владиміровичемъ, последній пишетъ: «А чѣмъ мя, господине, благословилъ отецъ мой князь великій въ *Москвѣ Звенигородомъ* съ волостьми и Сурожикомъ.... того ти, господине, подо мною блюсти, а не обидѣти» [14]). Кто же не пойметъ, что въ стѣны Москвы Василія Димитріевича, хотя ставшей давнымъ давно столицей великокняжеской, все таки нельзя было втиснуть цѣлаго Звенигорода да еще съ волостьми и Сурожикомъ? Но какова бы ни была Москва временъ Юрьевыхъ, построеніе княземъ своего города среди вотчинъ дѣтей Кучковыхъ не могло приходиться по сердцу самимъ вотчинникамъ—и, по этому или другому какому случаю, но исторически извѣстно, что убійцами Андрея Боголюбскаго, сына и преемника Юрьева, были также Кучковичи, братья жены Андреевой, вслѣдъ за тѣмъ казненные (по народному преданію, вмѣстѣ съ сестрой, соучастницей ихъ преступленія) княземъ Михалко Юрьевичемъ, братомъ и премникомъ Андрея. И легко можетъ быть, что, только со времени этой казни, мѣстность нынѣшней Москвы всецѣло дѣлается достояніемъ наслѣдниковъ Андрея Боголюбскаго, великихъ князей, суздальскихъ,—предположеніе, на которомъ небездоказательно останавливается одинъ изъ старинныхъ историковъ Москвы, говоря: «Мнить, что Москва была сихъ Кучковыхъ наслѣдниковъ вотчиною, или по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время жилищемъ, склоняютъ меня слѣдующія обстоятельства: 1-е, что и прежде была она владѣнія предковъ ихъ. 2-е, что ближнее потомъ свойство съ великимъ княземъ Андреемъ, за коимъ была ихъ родная сестра, могло имъ возвратить ее по прежнему. 3-е, что у г. Татищева, и во время прихода изъ Чернигова князя Михайла въ Москву, называется она еще Кучковымъ. 4-е, что нигдѣ по лѣтописцамъ не является, какого князя особенно во владѣніи была она по сіе время» [15]). А такъ какъ устному преданію не безъизвѣстно, что рѣка Москва, брызнувъ родникомъ

Изъ подъ кустика куста
Кусточка смородиннаго,

слыла изстари Самородиной, или въ сокращеніи Смородиной, какъ значится и въ одномъ пѣсенномъ сказаніи, заключающемся стихомъ:

Утонулъ добрый молодецъ, въ *Москвѣ рѣкѣ Смородинѣ,*

то не мудрено, что намекъ на всю вообще трагедію, разыгравшуюся съ Андреемъ и Кучковичами, сохранется въ другой древней пѣснѣ владиміро-московскаго цикла, пѣснѣ о томъ, какъ *князь Романъ жену терялъ:*

Жену терялъ, онъ тѣло терзалъ,
Тѣло терзалъ, въ рѣку бросалъ,
Во ту ли рѣку, во Смородину.

Или, по другой редакціи:

Жену терялъ,
Въ рѣку бросалъ
И въ ту-ль рѣку
Во Смородину [16]).

Темная связь этой пѣсни съ неменѣе темной развязкой судьбы, постигнувшей жену Андрееву, Улиту Степановну Кучко, видится также въ сходствѣ,—быть можетъ, случайномъ — названія *Погаными,* какъ пруда, гдѣ, по преданію, жилъ на Москвѣ Степанъ Кучко, такъ и озера, въ 7 верстахъ отъ Владиміра, по муромской дорогѣ, въ которое, по преданію же, брошена была, съ тяжелымъ жерновомъ на шеѣ, клятвопреступная княгиня Улита.

Переходя изъ области миѳовъ и преданій къ фактамъ дѣйствительнымъ, видимъ, что Москва, только подъ 1147 г. впервые упоминаемая лѣтописью и еще въ 1175 г. продолжавшая слыть *Кучковымъ,* уже въ 1146 г. была упустошена кн. Глѣбомъ Ростиславичемъ рязанскимъ, который, по лѣтописному сказанію, «пожьже Московь всю городъ и села» [17]).

Этимъ огненнымъ крещеніемъ какъ бы заявлялась новорожденной Москвѣ величивая будущность городка, пока незначительнаго, но географически, по центральному положенію своему между Тверью, Ростовомъ, Ярославлемъ, Владиміромъ, Суздалемъ, Рязанью, Калугой и Тулой, т. е. всѣми городами, тогдашней сѣверной Руси, и по смежности, въ одну сторону, съ княжествомъ, смоленскимъ, а въ другую съ городами сѣверными, — долженствовавшаго находиться на постоянномъ перепутьѣ всякихъ стремленій изъ сѣверной Руси въ южную и обратно и, такимъ образомъ, мало по малу сосредоточить въ себѣ залоги грядущаго единства русской земли. До времени же, Москвѣ надлежало служить только сборнымъ пунктомъ ополчавшихся членовъ дома суздальскаго, и съ этимъ характеромъ является она въ лѣтописи подъ 1207 г., когда вел. кн. Всеволодъ Юрьевичъ суздальскій, двигаясь въ южную Русь на великаго кн. Всеволода Чермнаго кіевскаго, сошелся въ Москвѣ съ сыномъ своимъ Константиномъ, приведшимъ туда къ отцу дружины новгородскія. При смерти, въ 1211 г., Всеволода и раздѣлѣ сыновьямъ его городовъ — раздѣлѣ, обозначаемомъ Татищевымъ, но отвергаемомъ Карамзинымъ,—Москва досталась кн. Дмитрію-Владиміру Всеволодовичу, который однако отправился въ Москву не тотчасъ и жилъ тамъ не долго, потому что, держа сторону брата своего Константина ростовскаго противъ другаго брата Юрія суздальскаго, онъ былъ вскорѣ же уда-

[14]) Акты Археологической Экспедиціи. 1836 г. I. № 10.

[15]) Опытъ историческаго описанія о началѣ города Москвы и проч., М. Ильинскаго. 1795 г., с. 5 — 6.

[16]) «Мѣстныя сказанія Владимірскія, Московскія и Новгородскія», Ѳ. Буслаева. См. Лѣтописи Русской Литературы и Древности. 1862 г. т. IV, с. 16—17.—«Значеніе именъ Москвы и городовъ ея», М. Макарова. См. Моск. Губ. Вѣд. 1845 г. № 9. Отдѣлъ II, с. 63.

[17]) Русская Лѣтопись съ Воскресенскаго списка. 1794 г. ч. II, с. 101.

ленъ послѣднимъ въ Переяславъ полтавскій, — о чемъ въ лѣтописи Лаврентіевской, подъ однимъ и тѣмъ же годомъ, читаемъ слѣдующія два извѣстія: «Въ лѣто 6721 (1213) Володимеръ сынъ Всеволожъ, великаго князя, *ѣха въ Москву*» и «идоста отъ Ростова къ Москвѣ Гюрги (Юрій) съ Ярославомъ, и изведе Гюрги изъ Москвы Володимера и посла и въ Рускыи (полтавскій) Переяславль [18]). Слѣдовательно, Москва опять осталась безъ особаго князя, покрайней мѣрѣ, извѣстнаго исторіи; другими же словами, продолжала быть *пригородомъ* владимірскимъ, т. е. мѣстомъ, получавшимъ и управніе и всю вообще иниціативу мѣстнаго быта отъ Владиміра, какъ старшаго города, въ которомъ, «на что старѣйшии сдумають, говоритъ лѣтопись, на томъ же пригороди станутъ» [19]). Впрочемъ, условія Москвы, какъ пригорода, устроеннаго въ землѣ, занятой одноплеменнымъ населеніемъ съ старымъ городомъ, были, сравнительно, благопріятными, потому, что Владиміру, знавшему въ москвичахъ не чужеродцевъ, нечего было, изъ опасенія утраты вліянія своего на Москву, усиливать надзоръ за Москвою и наводнять ее исключительно своими поселенцами. Москва, поэтому, могла свободно пополняться жителями изъ добровольныхъ пришельцевъ, охотно сбиравшихся къ новымъ точкамъ соединенія, особенно если точки эти обѣщали, какъ Москва, развить и осуществить даже промышленно-торговые виды будущихъ своихъ насельниковъ. Въ этомъ отношеніи, Москва, какъ перепутье между сѣверной и южной Русью, заранѣе оказывалась удобнѣйшимъ рынкомъ торговли, сурожской а также товаровъ, добывавшихся Новгородомъ съ Запада, — и вотъ почему не будетъ слишкомъ смѣлымъ предположить, что въ Москвѣ, независимо отъ класса *бояръ*, т. е. намѣстниковъ владимірскихъ, задолго до перенесенія въ нее столицы и митрополіи, уже могли выдѣляться древне-русскія городскія условія *купцовъ*, *смердовъ* и *черныхъ* людей, *посадъ* и *слободы* которыхъ, по тому же древне-русскому обычаю, облегали *крѣпость* или собственно *городъ*, срубленный вел. кн. Юріемъ и — еще безъ имени *Кремника* или *Кремля* — служившій сѣдалищемъ мѣстной администраціи и складомъ военныхъ запасовъ [20]). А если вѣрить разсказу одного нѣмецкаго писателя, что кн. Владиміръ Рюриковичъ, въ 1233 г., выгналъ латинскихъ монаховъ изъ разныхъ русскихъ городовъ и въ томъ числѣ изъ Москвы [21]), то самое присутствіе въ послѣдней какихъ бы то ни было иноземцевъ — а тѣмъ болѣе чужевѣрныхъ монаховъ — уже говоритъ въ пользу замѣчательнаго, по тому времени, развитія городскаго элемента въ Москвѣ.

Достовѣрно одно, что развитіе это началось и происходило на мѣстности, уже во многомъ измѣненной временемъ и руками человѣческими, но былая характеристика которой до сихъ поръ еще ярко рисуется въ разноименныхъ *грязяхъ*, *глинищахъ*, *пескахъ*, *ямахъ*, *вражкахъ*, *городнщахъ*, *поляхъ*, *полянкахъ*, *кулижкахъ*, *студенцахъ*, *прудахъ*, *болотахъ*, *лужникахъ*, *садовникахъ* и т. п. урочищахъ нынѣшней Москвы, гдѣ слышатся еще топографическія обозначенія улицъ, и особенно церквей, *подъ боромъ*, *вязками*, *сосенками*, *кленникомъ*, *въ драчахъ*, *на ржищахъ* и проч. Не говоря уже объ исчезновеніи р. Неглинной, нѣкогда протекавшей среди города и засыпанной только въ позднѣйшее время, самая семихолмность Москвы почти не существуетъ для глаза современниковъ, которые не иначе какъ изъ книгъ могутъ узнать, что маковицы семи доисторическихъ холмовъ Москвы обозначаются: *перваго* холма — Ивановской колокольней въ Кремлѣ; *втораго* — церковью Успенія на Покровкѣ; *третьяго* — зданіями Страстнаго монастыря; *четвертаго*—урочищемъ Три-Горы за Прѣсней; *пятаго*—такъ называемой *Вшивой горкой*, близь Андроникова монастыря; *шестаго*—высшей точкой нынѣшней Лефортовской части, и *седьмаго*—теменемъ Воробьевыхъ горъ [22]). Нѣкогда всѣ эти холмы поростали болѣе или менѣе дремучимъ боромъ, который, сообщивъ нынѣшнему средоточію Москвы, Кремлю, древнее названіе *Бора* или *Боровиц*, представлялъ московскимъ первожителямъ не малое удобство находить строительный матеріалъ подъ рукой, прилагая къ дѣлу только собственный трудъ.

Это обстоятельство, въ связи съ географическимъ положеніемъ мѣста, не могло не способствовать возрастанію пространства, населенія и, слѣдовательно, политическаго значенія Москвы, которое нъ 1237 г. стало такимъ, что вел. кн. Юрій Всеволодовичъ, готовясь тогда отражать нашествіе татаръ Батыевыхъ, рѣшилъ ввѣрить защиту Москвы сыну своему, юному Владиміру, хотя Москва уже имѣла въ то время и особаго воеводу и свои городовыя войска. Совсѣмъ тѣмъ, нашествіе Батыя отозвалось Москвѣ невыгодно: разбивъ передовой отрядъ Москвичей у Коломны—гдѣ погибъ, со всей дружиной, кн. Романъ Ингваревичъ рязанскій и откуда сынъ вел. кн. Всеволода бѣжалъ къ отцу во Владиміръ,—Батый, подошелъ къ Москвѣ, взялъ ее 20 января и сжегъ всю, при чемъ воевода московскій Филиппъ Нянька поплатился жизнью, а кн. Владиміръ Юрьевичъ захваченъ Татарами. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ Москвѣ, вѣроятно, не долго лежавшей пожарищемъ, являет-

[18]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей. 1846 г. т. I, с. 185.

[19]) Тамъ же, с. 160.

[20]) «Города на Руси до Монголовъ», И. Бѣляева. См. Журн. Мин. Нар. Пр, 1848 г. № 2, с. 9—13.

[21]) Geschichte von Halitsch und Wladimir, v. I, C. Engel. 1793, II, S. 556.

[22]) Oryctographie du gouvernement de Moscou, par I, Fischer de Waldheim. 1830 — 1837.

ся первый достовѣрно-московскій князь Михаилъ Ярославичъ Хоробритъ, младшій братъ Александра Невскаго, судившійся съ послѣднимъ въ ордѣ за право великокняженія и, въ 1248 г., достигнувшій престола владимірскаго низложеніемъ дяди своего Святослава Всеволодовича, но зимою того же года погибшій въ бою съ Литовцами на р. Поротвѣ. Какія послѣдствія для Москвы имѣло минутное торжество Михайлово — неизвѣстно, такъ же какъ неизвѣстно, въ какой степени справедливо преданіе, приписывающее этому князю сооруженіе въ Москвѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Архангельскаго собора, деревянной церкви св. Михаила, въ которой, по ошибочному показанію Карамзина, были будтобы похоронены московскіе князья Данило Александровичъ и сынъ его Юрій, — хотя гробница перваго всегда находилась въ Даниловѣ монастырѣ, а могила Юріева остается неизвѣстной въ стѣнахъ московскаго Успенскаго собора [23]).

Со смертью бездѣтнаго Михаила Хоробрита, Москва, по всей вѣроятности, поступила въ распоряженіе брата его Александра Невскаго, который, въ качествѣ старѣйшаго князя русской земли, занималъ престолъ владимірскій и, умирая, отдалъ Москву въ удѣлъ меньшему сыну своему Данилѣ, на томъ основаніи, что «обыкли — говоритъ царь Василій Шуйскій — *большая* братьи на *большая* мѣста сѣдати», — а Москва, по отношенію къ Переславлю, Суздалю и другимъ городамъ владимірскимъ, была меньшимъ мѣстомъ. Съ какого именно времени началъ жить въ Москвѣ кн. Данило, оставшійся послѣ отца всего 2-хъ лѣтъ, и тотчасъ ли по смерти Невскаго былъ онъ отвезенъ въ свой удѣлъ, или проводилъ дѣтство въ стольномъ Владимірѣ, изъ лѣтописей не видно. Можно, однако, полагать, что 1276 годъ, ознаменованный смертью послѣдняго брата Невскаго, Василія Ярославича, и утвержденіемъ на владимірскомъ столѣ старшаго брата Данилова, Дмитрія Александровича, засталъ 15-ти лѣтняго Данилу уже въ Москвѣ, гдѣ онъ, по самому возрасту своему, въ то время считавшемуся совершеннымъ, могъ справлять лично обязанности удѣльнаго князя. Но такъ какъ тогдашнее значеніе Москвы не соотвѣтствовало родовому самолюбію даже младшаго изъ сыновей Невскаго, а время къ покушеніямъ удовлетворить такому самолюбію, благодаря непрерывной враждѣ князей и раболѣпію ихъ предъ татарскими ханами, оказывалось удобнѣйшимъ, то кн. Данило, въ надеждѣ сколько нибудь усилить слабый московскій удѣлъ, не замедлилъ вмѣшаться въ кровавую усобицу братьевъ своихъ Дмитрія переславльскаго и Андрея городецкаго и принявъ сторону послѣдняго, не далѣе какъ въ 1282 г., ходилъ съ княземъ тверскимъ и Новгородцами на Дмитрія, который, заключеніемъ мирнаго договора подъ Дмитровомъ, съумѣлъ, на этотъ разъ, устранить кровопролитіе. Убѣдившись однако, что служба властолюбивому Андрею и союзъ съ нимъ не приноситъ существенной пользы, кн. Данило не задумался сблизиться съ Дмитріемъ и, въ 1288 г., уже ходилъ съ нимъ на Тверь, по прежнему враждебную Переславлю. Впрочемъ, и союзъ съ Дмитріемъ, прежде нежели быть выгоднымъ Данилѣ, дорого обошелся Москвѣ, которую, въ 1293 г., вмѣстѣ съ Переславлемъ и другими владимірскими городами, сжегъ татарскій царевичъ Дюдень, присланный изъ орды разобрать письменную жалобу Андрея на Дмитрія и его союзниковъ. Въ 1294 г. Дмитрій умеръ и преемникъ его Андрей, обезпокоенный исканіемъ независимости князьями Даниломъ московскимъ и сыномъ умершаго Дмитрія Иваномъ переславльскимъ, поѣхалъ, въ 1296 г., съ новой жалобой въ орду, гдѣ однако уже предупредилъ его князь переславльскій. Выслушавъ и обласкавъ обоихъ князей, ханъ Тохта не далъ войска ни тому, ни другому, но уполномочилъ вельможу своего Неврюя быть судьею сѣверно-русскихъ державцевъ, которымъ тогда же велѣно собраться на съѣздъ во Владиміръ Сюда явились: вел. кн. Андрей, князья Ѳедоръ ярославскій, Константинъ ростовскій, Михаилъ тверской и Данило московскій, а за Ивана переславльскаго оставшагося въ ордѣ, должны были говорить его бояре. На съѣздѣ оказалось, что Михаилъ тверской съ Даниломъ московскимъ и переславльцами не только находятся въ открытой оппозиціи противъ Андрея, но даже готовы на кровопролитіе, съ трудомъ остановленное тогда увѣщаніями епископовъ: владимірскаго Симеона и сарайскаго Измаила. Кончилось тѣмъ, что Неврюй, обобравъ у князей подарки, уѣхалъ безъ всякаго рѣшенія въ орду, а взбѣшенный неудачею Андрей, пользуясь продолжающимся отсутствіемъ кн. Ивана переславльскаго, пошелъ было на Переславль, но, встрѣтивъ, близь Юрьева, соединенныя дружины Михаила и Данилы, не посмѣлъ сразиться съ ними и отступилъ.

Въ новомъ союзѣ Москвы съ Тверью не замедлилъ принять участія прежній союзникъ Твери — Новгородъ, къ архіепископу котораго Михаилъ тверской тогда же писалъ: «То ти, отьче, повѣдаю: съ братомъ своимъ съ старѣйшимъ съ Даниломъ одинъ есмь, и съ Иваномъ (переславльскимъ). А дѣти твои Посадникъ и Тысяцьскый, и весь Новгородъ, на томъ цѣловали ко мнѣ крестъ: Аже будетъ тягота мнѣ отъ Андрея, или отъ Татарина, или отъ инаго кого, вамъ потянути со мною, а не отступити вы ся мене ни въ которое же время», — на что новгородцы отписывали Михаилу: «Кдѣ будетъ обида Новугороду, тобѣ потянути за Новъгородъ съ братомъ

[23]) Доказательства погребенія тѣла Юріева въ московскомъ Успенскомъ соборѣ подробно и основательно изложены въ любопытной статьѣ Н. П.: «Древнѣйшая великокняжеская гробница въ Кремлѣ московскомъ». См. Московскій Телеграфъ. 1833. Май, с. 3 — 33.

своимъ съ Даниломъ и съ мужи съ Новъгородьци» [24]). Заручившись, такимъ образомъ, старѣйшинствомъ надъ княземъ тверскимъ и полезной, въ торговомъ отношеніи, дружбой съ Новгородцами, кн. Данило, уже не боявшійся брата своего, вел. кн. Андрея владимірскаго, задумалъ посягнуть на Коломну, которая принадлежала тогда Рязани, но, какъ пунктъ, запиравшій устье Москвы рѣки, была еще необходимѣе Москвѣ, готовимой, по крайней мѣрѣ въ мысляхъ Данилы, сдѣлаться ближайшей преемницей правъ и преимуществъ стольнаго Владиміра. Съ такими мыслями, Данило, осенью 1301 г., самовольно вторгся въ предѣлы рязанскіе, встрѣтилъ у Переславля рязанскаго (нынѣшней Рязани) мѣстнаго князя Константина Ярославича, въ рати котораго было нѣсколько татарскихъ отрядовъ, и «билися у города у Переяславля, говоритъ лѣтописецъ, и Данила измоглъ, и много Татары избилъ, и князя Константина рязанскаго нѣкакою хитростью ялъ, и приведе къ себѣ на Москву» [25]). Едва успѣлъ Данило отпраздновать въ Москвѣ свою рязанскую удачу, судьба уже изготовила ему другую—плодъ 14-лѣтней дружбы его съ Переславлемъ: 15 мая 1302 г. ударилъ послѣдній часъ кн. Ивана переславльскаго, который, умирая бездѣтнымъ, «благослови въ себѣ мѣсто вотчиною своею Переславлемъ великаго князя Данила Александровича московскаго, дядю своего, того бо любяше паче инѣхъ» [26]). Князь Данило восхищенный этимъ первымъ приращеніемъ московскаго удѣла, спѣшно поѣхалъ въ Переславль, нашелъ тамъ намѣстниковъ Андреевыхъ, уже явившихся занять городъ именемъ вел. князя, выгналъ ихъ изъ города, и, оставивъ въ Переславлѣ старшаго сына своего Юрія, радостно возвратился въ Москву, между тѣмъ какъ великій князь Андрей отправился искать управы на брата въ орду. Но князю Данилѣ не было суждено дождаться результата этихъ исканій: въ ночь съ 4 на 5 марта 1303 года, онъ умеръ внезапно, въ цвѣтѣ лѣтъ и, какъ выражается Полевой, «въ платьѣ схимника», оставивъ Москву, съ Переславлемъ и Дмитровомъ, пятерымъ сыновьямъ своимъ: Юрію, Ивану, Борису, Александру и Аѳанасію, имя матери которыхъ, жены Даниловой, остается неизвѣстнымъ исторіи. Тѣло родоначальника московскихъ князей было погребено въ стѣнахъ монастыря, основаннаго самимъ Даниломъ, на берегу Москвы рѣки, и до сихъ поръ носящаго имя своего основателя. Авторы «Степенной Книги» пишутъ, что древняя обитель Данилова, за переводомъ монашествующихъ, при Иванѣ Калитѣ, въ церкви Спаса набору, совершенно опустѣла, что «во время великаго князя Ивана III Васильевича, Даніилъ явился у своего гроба, на берегу Москвы рѣки, одному придворному юношѣ, тамъ ѣхавшему, и сказалъ ему: «рцы великому князю Ивану: се убо самъ всячески себѣ утѣшаеши, мене же забвенію предалъ еси»; что Иванъ III Васильевичъ, съ того времени, установилъ пѣть соборныя панихиды о душахъ родственниковъ своихъ; что въ княженіе его сына, Василія Ивановича, бояринъ Иванъ Михаиловичъ Шуйскій, сопутствуя государю, хотѣлъ съ надгробнаго камня Даніилова сѣсть на лошадь, но едва было не умеръ—и вылечился молебнами, отпѣтыми на этомъ мѣстѣ; что, при царѣ Иванѣ IV Васильевичѣ, умирающій сынъ одного купца исцѣлился у гроба Даніилова, и что царь, удивленный такими чудесами, возобновилъ древній монастырь Даниловъ, и построилъ тамъ церковь каменную». Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, гробъ Даниловъ былъ вынутъ изъ стѣны и тѣло князя, найденное нетлѣннымъ, 30 августа 1652 года, перенесено въ соборную церковь Данилова монастыря, гдѣ донынѣ лежитъ на вскрытіи. въ серебряной ракѣ [27]).

По смерти Данила, старшій сынъ его, Юрій, находившійся тогда въ Переславлѣ (откуда Переславцы, изъ боязни новыхъ покушеній великаго князя Андрея на ихъ городъ, не пустили Юрія даже на похороны отца въ Москву), нагло завладѣлъ всѣмъ отчимъ наслѣдіемъ, ничего не удѣливъ братьямъ, которые, за неимѣніемъ средствъ спорить и бороться съ властолюбцемъ, волей-неволей должны были искать спокойствія въ покорности Юрію и даже заключили съ нимъ союзъ, послужившій, невѣдомо для самихъ союзниковъ, главной основой будущей силы Московскаго княжества. А такъ какъ послѣднее, въ своемъ настоящемъ положеніи, не соотвѣтствовало желаніямъ Юрія, томимаго честолюбіемъ и жаждой пріобрѣтеній, то новый князь московскій, не далѣе какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по смерти Данилы, ни за что ни про что вторгся въ удѣлъ смоленскій и, завоевавъ Можайскъ, самого князя смоленскаго, Святослава Глѣбовича, привелъ плѣнникомъ въ Переславль. Тутъ же, въ Переславлѣ, осенью 1303 г., происходилъ съѣздъ князей, на которомъ сыновья Даниловы возобновили миръ съ великимъ княземъ Андреемъ и Тверью, при чемъ Юрій, не смотря на покровительство хана Тохты великому князю Андрею, успѣлъ, вопреки притязаніямъ послѣдняго, удержать за собой Переславль. Владѣя, такимъ образомъ, Переславлемъ, Москвой, Коломной и Можайскомъ, Юрій хотѣлъ бóльшаго и, въ 1304 г., по смерти великаго князя Андрея, явился претендентомъ на престолъ велико-княжескій, принадлежавшій князю Михаилу тверскому—по праву, до того ясному, что даже бояре владимірскіе немедленно поѣхали въ Тверь бить

[24]) Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. Изд. 1813—1819 г., т. I, №№ 4 и 5.

[25]) Ист. Гос. Росс. Н. Карамзина, т. IV, прим. 188.

[26]) Русская Лѣтопись по Никонову списку. Изд. 1762—1792 г., ч. III, с. 99—100.

[27]) Словарь историческій о святыхъ, прославленныхъ въ Россійской церкви. 1862, с. 72—73.

челомъ законному преемнику Андрееву. И напрасно митрополитъ владимірскій Максимъ убѣждалъ Юрія не преступать исконныхъ обычаевъ наслѣдованія, ручаясь именемъ Ксеніи, матери Михаиловой, и своимъ, что Михаилъ придастъ къ Москвѣ любые города: Юрій не слушалъ ничего и поѣхалъ судиться съ Михаиломъ въ орду, между тѣмъ какъ въ Переславль, вслѣдъ за выѣздомъ оттуда кн. Юрія, прибылъ изъ Москвы второй сынъ Даниловъ, князь Иванъ, будущій Калита. Въ настоящемъ случаѣ, будущій Калита смекалъ очень хорошо, что если брату Юрію удастся сѣсть во Владимірѣ, ему, князю Ивану, подобаетъ обезпечить себя Переславлемъ; а если брату Юрію въ ордѣ не повезетъ и онъ, по своему характеру, затянетъ кровавую борьбу съ Михаиломъ, ему, князю Ивану, и въ этомъ случаѣ, не мѣшаетъ засѣсть въ крѣпкомъ Переславлѣ, весьма удобно лежащемъ не въ дальнемъ разстояніи и отъ Москвы и отъ Владиміра. Но еще до возвращенія Юрія изъ орды, князю Ивану Даниловичу удалось разбить подъ Переславлемъ Тверитянъ, предводимыхъ бояриномъ Михаиловымъ Акинѳомъ, который тутъ же положилъ голову, а два сына его взяты въ плѣнъ. Когда же выборъ хана Тохты палъ на Михаила тверскаго,—вслѣдствіе чего Юрій, съ обманутыми надеждами, пріѣхалъ на житье въ Москву,—князь Иванъ Даниловичъ остался въ Переславлѣ настораживать событія, но неизвѣстно, принималъ ли онъ личное участіе въ двукратныхъ битвахъ подъ самой Москвой, данныхъ Михаиломъ Юрію, въ 1305 и 1308 годахъ.

Битвы эти только усилили ненависть враждующихъ и особенно Юрія, который, съ досады на неудавшіеся поиски за великокняженіемъ и въ надеждѣ забрать въ свои руки, по крайней мѣрѣ, Рязань, безчестно умертвилъ въ Москвѣ князя Константина Романовича рязанскаго, взятаго въ плѣнъ его отцомъ,—но еще разъ ошибся въ разсчетѣ, потому что безвинно погибшему Константину мирно наслѣдовалъ въ Рязани сынъ его Ярославъ, утвержденный на отчемъ княженіи самимъ Тохтой.

Дѣла оставались въ томъ же положеніи до 1313 г., когда въ ордѣ умеръ ханъ Тохта и воцарился сынъ его, юный Узбекъ. На поклоненіе новому ордынскому свѣтилу немедленно отправились почти всѣ русскіе князья и епископы, первые—за ерлыками на управленіе удѣлами, вторые—за грамотами на разныя льготы и преимущества. Въ числѣ князей, явился въ орду Михаилъ тверской—и получилъ новое подтвержденіе въ достоинствѣ великокняжескомъ; между епископами предсталъ Узбеку Св. Петръ, митрополитъ владимірскій, впослѣдствіи московскій,—и былъ отпущенъ отъ царя «со многою честью вборзе (скоро)». Одинъ князь московскій не спѣшилъ въ орду, а напротивъ, пользуясь долговременнымъ отсутствіемъ великаго князя тверскаго, послалъ брата своего Аѳанасія и родича, князя ржевскаго, въ Новгородъ, гдѣ посланные эти на столько съумѣли возбудить умы противъ великаго князя Михаила, что Новгородцы выдали Аѳанасію намѣстниковъ Михаиловыхъ, потомъ объявили войну Твери и, въ 1315 г., когда пріѣхалъ къ нимъ самъ Юрій, возвели князя московскаго на столъ Св. Софіи. Но вслѣдъ за тѣмъ Юрій, по справедливой жалобѣ на него Михаила, былъ вытребованъ въ орду, а Новгородцы, 10 февраля 1316 г. разбитые Михаиломъ у Торжка, въ свою очередь, нашлись вынужденными представить Михаилу обоихъ посланцевъ Юріевыхъ и заплатить ему 12 тыс. гривенъ серебра. Впрочемъ, торжество Михаилово надъ Юріемъ скоро же помрачилось новой распрей Твери съ Новгородомъ; да и самъ Юрій, живя въ ордѣ цѣлые три года, не терялъ времени даромъ. Искательствами всякаго рода и угожденіями хану, князь московскій до того расположилъ къ себѣ довѣріе Узбека, что Узбекъ, въ 1317 г., выдалъ за Юрія родную сестру свою Кончаку, во св. крещеніи Агаѳію, и, вручивъ зятю грамоту на великокняжеское достоинство, предоставилъ въ распоряженіе Юрія сильную татарскую рать, подъ предводительствомъ ордынскихъ вельможъ Кавгадыя, Астрабыла и Остревы. Съ этой ратью, Юрій явился, въ 1318 г., къ Костромѣ, откуда, пустоша владѣнія Михаиловы по Волгѣ, шелъ прямо къ Твери, хотя Михаилъ заблаговременно присылалъ сказать счастливому сопернику: «Оже далъ царь тобѣ великое княженіе, то и азъ отступаюся тобѣ; княжи на великомъ княженіи, но въ мою опришнену не вступайся, а роспусти своя вои» [28]). Видя однако, что наступленіе Юріево продолжается, Михаилъ тверской, засвидѣтельствовавъ предъ лицомъ епископа, князей и бояръ чистоту своихъ намѣреній, выступилъ на Юрія и у Бортнаго, въ 40 верст. отъ Твери, разбилъ его на голову, при чемъ самъ Юрій едва-едва убѣжалъ въ Новгородъ, а жена Юріева, братъ его Борисъ и вельможа Узбековъ Кавгадый были взяты въ плѣнъ и препровождены въ Тверь. Увѣнчанный невольной побѣдой, Михаилъ предложилъ Кавгадыю дары и свободу, а Юрію—совмѣстную поѣздку въ орду на судъ ханскій. Уже сочинили договорную грамоту, въ которой Юрій былъ наименованъ великимъ княземъ, но, на бѣду Михаила, жена Юріева, Кончака-Агаѳія, скоропостижно умерла въ Твери—и Юрій, обвинивъ великаго князя тверскаго въ умышленномъ отравленіи сестры ханской, поѣхалъ съ Кавгадыемъ въ орду готовить гибель Михаилу. Послѣдняя, дѣйствительно, состоялась: вызванный Узбекомъ къ отвѣту, Михаилъ былъ замученъ въ ордѣ, 22 ноября 1319 г., и впослѣдствіи причтенъ церковью къ лику святыхъ; а довольный местію Юрій, отправивъ брата Аѳанасія прямо изъ орды намѣстничать въ Нов-

[28]) Воскрес. Лѣтоп. II, 282.

городъ, самъ, съ сыномъ Михайловымъ, Константиномъ, и тверскими боярами, прибылъ во Владиміръ, гдѣ величаво принималъ другаго сына Михаилова, Александра, поспѣшившаго явиться къ Юрію съ изъявленіемъ почтенія и просьбой — уступить Твери тѣло Михаилово, уже погребенное въ Москвѣ, въ церкви Спаса на Бору. Согласившись перемѣнить тѣло Михаилово на тѣло Кончаки-Агаѳіи, Юрій, въ 1320 г., ходилъ съ войскомъ къ Рязани, для принужденія тамошняго князя Ивана Ярославича къ покорности, а въ 1321 г. задумывалъ напасть на область тверскую, но былъ остановленъ притворнымъ смиреніемъ старшаго сына и преемника Михаилова, князя Дмитрія тверскаго, который прислалъ къ Юрію епископа Варсонофія съ мирными предложеніями и двумя тысячами, впервые упоминаемыхъ при этомъ случаѣ, *рублей*, т. е. серебряныхъ отрубковъ, безъ всякаго клейма, вѣсомъ каждый около 22-хъ золотниковъ [29]). Успокоенный, такимъ образомъ, со стороны Твери, Юрій, въ 1322 г., пошелъ, по приглашенію Новгородцевъ, войной на Шведовъ и безуспѣшно приступалъ къ Выборгу, а въ 1323 г., оплакивая въ Новгородѣ смерть брата своего Аѳанасія, свѣдалъ, что князь Дмитрій Михаиловичъ тверской успѣлъ выхлопотать себѣ въ ордѣ достоинство великокняжеское. По полученіи этого извѣстія, Юрій звалъ Новгородцевъ идти къ Владиміру, но, за отказомъ ихъ, поѣхалъ туда одинъ, дорогой едва не попался въ руки Тверитянамъ и, потерявъ весь обозъ, съ трудомъ спасся въ Псковъ, откуда возвратился въ Новгородъ. Рѣшивъ до времени держаться Новгорода, Юрій пошелъ съ Новгородцами на устья Невы, гдѣ тогда же заложенъ Орѣховъ, нынѣшній Шлиссельбургъ, и взялъ съ ними Устюгъ, а въ 1324 г. поѣхалъ въ орду интриговать противъ князя Дмитрія тверскаго, который прибылъ туда же въ слѣдующемъ 1325 г. «Они — пишетъ Карамзинъ — увидѣли другъ друга, и нѣжный сынъ, живо представивъ себѣ окровавленную тѣнь Михаилову, затрепетавъ отъ ужаса, отъ гнѣва, вонзилъ мечь въ убійцу. Георгій (Юрій) испустилъ духъ, а Димитрій, совершивъ месть, по его чувству справедливую и законную, спокойно ожидалъ слѣдствій» [30]). Событіе это случилось 21 ноября 1325 г.; но его послѣдствія обнаружились только 15 сентября 1326 г., когда убійца Юріевъ, въ свою очередь, былъ убитъ въ ордѣ, по повелѣнію Узбека, который, однако, «опасаясь, какъ замѣчаетъ одинъ изслѣдователь, найти честолюбіе и коварство Георгія (Юрія) въ родномъ его братѣ Іоаннѣ» [31]), утвердилъ достоинство великокняжеское за братомъ Дмитрія, Александромъ Михаиловичемъ тверскимъ.

[29]) Ист. Гос. Росс. Н. Карамзина, т. IV. с. 121.

[30]) Тамъ же, с. 124.

[31]) О причинахъ возвышенія Московскаго княжества, В. Вешнякова. с. 62.

Это послѣднее распоряженіе было вовсе не по сердцу брату Юріеву, князю Ивану Даниловичу, который оставался теперь единственнымъ изъ всѣхъ пяти сыновей Даниловыхъ [32]) и уже года съ два жилъ не въ Переславлѣ, а въ Москвѣ, куда онъ же перевелъ Св. Петра, митрополита владимірскаго Обозрѣвая свою епархію, Св. Петръ, если вѣрить преданію Степенной Книги, особенно плѣнился мѣстоположеніемъ Москвы, часто останавливался тутъ, потомъ поселился совсѣмъ и пророчески говаривалъ будущему Калитѣ: «если ты успокоишь мою старость и воздвигнешь здѣсь (въ Москвѣ) храмъ достойный Богоматери, то будешь славнѣе всѣхъ иныхъ князей и родъ твой возвеличится; кости мои останутся въ семъ градѣ; святители захотятъ обитать въономъ и *руки его взыдутъ на плеща враговъ нашихъ*» [33]). Сообразивъ, какъ выиграетъ власть московскаго князя отъ подкрѣпленія ее вліяніемъ московскаго митрополита, будущій Калита, въ 1326 г., по совѣту Св. Петра, дѣйствительно, заложилъ въ резиденціи своей каменную церковь Успенія, въ которой, когда она еще не была окончена, погребли и тѣло князя Юрія, привезенное изъ орды [34]), и тѣло митрополита Петра, умершаго въ декабрѣ 1326 г.

Стало быть, будущему Калитѣ оставалось помогать выполненію пророческихъ словъ Св. Петра собственной дѣятельностью, характеръ которой опредѣлялся заранѣе — и личными свойствами преемника Юріева, и тѣмъ значеніемъ, какое, въ качествѣ князя московскаго, а потомъ великаго, уже съумѣлъ пріобрѣсти Москвѣ самъ Юрій. «Если станемъ смотрѣть на Георгія (Юрія) со стороны нравственной, справедливо замѣчаетъ г. Вешняковъ, то откроемъ въ немъ много недостатковъ. Но если взглянемъ на него со стороны политической, то должны будемъ согласиться, что его заслуга для Москвы, а слѣдовательно и для Россіи, огромна. Его княженіе составляетъ первое звѣно въ исторіи возвышенія Москвы. Онъ, можно сказать, выдернулъ для Москвы жребій возвышенія; онъ расширилъ ея предѣлы, очистилъ ей путь къ первенству низложеніемъ опаснаго соперника, князя тверскаго, униженіемъ Твери, достиженіемъ владимірскаго престола и даже собственною смертію» [35]). Послѣдняя, предоставивъ пока пальму первенства князю Александру Михаиловичу тверскому, въ тоже время развязывала руки князю Ивану Даниловичу московскому, который отнынѣ пріобрѣталъ недостававшую ему самостоятельность, и, какъ человѣкъ

[32]) Остальные братья Ивана умерли еще раньше Юрія, а именно: Александръ—осенью 1308 г; Борисъ—30 мая 1320 г.; Аѳанасій—въ 1322 г. Всѣ эти три князя не оставили по себѣ потомства, и неизвѣстно даже, были ли они женаты.

[33]) Ист. Гос. Росс. Н. Карамзина, т. IV, с. 133 и прим. 283.

[34]) См. выше прим. 22.

[35]) О прич. возвыш. Московск. княж., с. 63.

умный, осторожный, пронырливый, да въ добавокъ хорошо знакомый съ порядками и нравами въ ордѣ, могъ и долженъ былъ извлечь изъ новаго своего положенія всю пользу для себя и Москвы.

Принявъ, съ наружной покорностью, волю Узбекову относительно утвержденія великокняжескаго достоинства за Александромъ тверскимъ, князь Иванъ Даниловичъ затаилъ въ душѣ глубокую ненависть къ сопернику и блистательно выказалъ ее въ слѣдующемъ 1327 году, когда Узбекъ, взбѣшенный сожженіемъ въ Твери ордынскаго посла Шевкала со множествомъ Татаръ, поручилъ наказать великаго князя тверскаго—родовому врагу его, князю московскому. Обрадованный этимъ порученіемъ, князь московскій соединилъ свои полки съ 50-ти тысячной ратью татарскою и дружиной князя суздальскаго, въ самые холода выступилъ изъ Москвы, по глубокимъ снѣгамъ пришелъ къ Твери, овладѣлъ ею, заставивъ великаго князя тверскаго бѣжать въ Исковъ, а брата его въ Ладогу, взялъ Кашинъ, Торжокъ, опустошилъ всѣ окрестныя мѣста и только потому не дошелъ до союзнаго Твери Новгорода, что Новгородцы во-время явились съ поклономъ и предложеніемъ выкупа въ 5000 серебра. По возвращеніи изъ этого похода, князь Иванъ Даниловичъ, съ братьями великаго князя тверскаго, новгородскими послами и донесеніемъ о собственныхъ подвигахъ, поѣхалъ въ орду, гдѣ Узбекъ пожаловалъ ему, въ 1328 г., не только великое княженіе владимірское, но, по извѣстію Никоновской лѣтописи, еще «и иныя княжества къ Москвѣ» [36]).

Достигнувъ, такимъ образомъ, своей давней цѣли—быть на великомъ княженіи, Иванъ Даниловичъ съ готовностью взялъ на себя новое порученіе Узбеково—представить князя Александра на судъ въ орду. Вслѣдствіе этого, князь Иванъ Даниловичъ, въ исходѣ 1329 г., пріѣхалъ съ митрополитомъ Ѳеогностомъ и многими князьями въ Новгородъ, чтобъ двинуться оттуда на Исковъ, поклявшійся не выдавать Александра. Но такъ какъ ни угрозы, ни воинскія приготовленія, ни самое движеніе полковъ московскихъ и новгородскихъ къ Опочкѣ не могли поколебать благородной рѣшимости Псковитянъ, то князь Иванъ Даниловичъ, въ избѣжаніе неминуемаго кровопролитія, замыслилъ добиться толку способомъ вполнѣ оригинальнымъ—и, въ 1330 г., убѣдилъ митрополита наложить церковное проклятіе на Александра и Псковитянъ, если они не покорятся добровольно. Псковитяне хотя и смутились такой неожиданностью, но продолжали стоять за Александра, который однако самъ отказался великодушно отъ ихъ помощи, сложилъ съ нихъ данную ему клятву и, оставивъ имъ свою княгиню, уѣхалъ въ Литву, послѣ чего митрополитъ Ѳеогностъ немедленно разрѣшилъ Псковитянъ отъ проклятія. «Хотя Іоаннъ въ семъ случаѣ казался только невольнымъ орудіемъ ханскаго гнѣва, говоритъ Карамзинъ, но добрые Россіяне не хвалили его за то, что онъ, въ угодность невѣрнымъ, гналъ своего родственника и заставилъ Ѳеогноста возложить церковное проклятіе на усердныхъ христіанъ, коихъ вина состояла въ великодушіи» [37]). Добрые Россіяне даже прямо выражались въ лѣтописи: «Вложи окаянный врагъ дьяволъ *злую* мысль княземъ Рускымъ взыскати князя Александра» [38]).

Съ торжествомъ возвратившись въ свою великокняжескую резиденцію, князь Иванъ Даниловичъ, въ томъ же 1330 г., поставилъ на Москвѣ, вмѣсто деревянной, каменную церковь Спаса на Бору, а въ 1331 г. снова поѣхалъ кланяться въ орду, гдѣ жилъ почти цѣлый годъ. Въ теченіе этаго года, князь Александръ пріѣхалъ опять въ Псковъ, а Псковитяне съ прежнимъ радушіемъ приняли гонимаго князя и, окончательно отложившись отъ Новгорода, просили митрополита Ѳеогноста, посѣтившаго тогда Волынь, посвятить Пскову особаго епископа, на что Ѳеогностъ, хотя и убѣждаемый къ тому же Гедиминомъ, княземъ литовскимъ, никакъ не хотѣлъ согласиться, чѣмъ самымъ доказалъ на дѣлѣ, какъ важно было для московскаго великаго князя связать дальнѣйшее развитіе власти своей съ дружественнымъ ему вліяніемъ московскаго митрополита. Между тѣмъ, самъ великій князь московскій, явясь—и, вѣроятно, съ новыми полномочіями—изъ орды, вдругъ потребовалъ отъ Новгородцевъ серебра, по отказѣ въ которомъ, онъ, со всѣми князьями низовскими и рязанскими, въ декабрѣ 1332 г., двинулся на непослушныхъ, взялъ Торжокъ, потомъ Бѣжецкъ и «сѣде — говоритъ лѣтописецъ—въ Торжку отъ Крещенья до Сбору (т. е. Сборнаго воскресенія первой недѣли поста), теряя (разоряя) область Новгородскую; и послаша Новгородци послы, зовуче его въ Новгородъ... и онъ молбы не пріялъ, и ихъ не послушалъ, а миру не да, поѣха прочь» [39]). Слѣдомъ за нимъ отправился новгородскій архіепископъ Василій: догнавъ великаго князя въ Переславлѣ, онъ предложилъ ему 500 рублей, которыхъ Иванъ Даниловичъ не принялъ, и въ гнѣвѣ уѣхалъ къ Узбеку жаловаться на Новгородцевъ. Не ожидая, съ этой стороны, ничего добраго, Новгородцы, всегда нуждавшіеся въ расположеніи, если не присутствіи, какого либо князя, поспѣшили примириться, по крайней мѣрѣ, съ княземъ Александромъ, прежній союзникъ котораго, князь литовскій, въ это самое время, выдавалъ дочь свою за старшаго сына Калиты, 17-ти лѣтняго Семена, о чемъ лѣтописное сказаніе повѣствуетъ такъ: «Тое же зимы (1333—1334) приведена бысть князю Семену Ивано-

[36]) Никон. Лѣтоп. III. 141.

[37]) Ист. Гос. Росс. т. IV, с. 135.

[38]) Тамъ же, прим. 288.

[39]) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. т. III, с. 76 (Новгородская первая лѣтопись).

вичу княжна изъ Литвы, именемъ литовскимъ Айгуста, и крестиша ю, и наречена бысть Настасія; и бысть бракъ великъ на Москвѣ» [40]). Въ видахъ новыхъ пользъ отъ этого брачнаго союза и новыхъ полномочій отъ хана Узбека, князь Иванъ Даниловичъ, въ 1334 г., самъ посѣтилъ Новгородъ, а потомъ ласково принималъ новгородскихъ пословъ въ Москвѣ и условился съ ними въ мѣрахъ къ изгнанію князя Александра изъ русской земли. Осуществленіе этихъ мѣръ было, однако, отложено до другаго времени, которое затянулось, быть можетъ, потому, что, въ 1335 г., «бысть, говоритъ лѣтописецъ, пожаръ въ Руси: погорѣ городъ Москва, Вологда, Витепьско; и Юрьевъ Нѣмецскіи весь погорѣ» [41]). Съ печальнаго пожарища Москвы, князь Иванъ Даниловичъ, въ 1336 г., поѣхалъ опять въ орду, которую онъ посѣщалъ и въ 1337 г., хотя въ то время, по свидѣтельству лѣтописи, «Москва вся погорѣ, и тогда наиде дождь силенъ, и потопе иное все въ погребѣхъ, иное на площадѣхъ, что гдѣ выношено» [42]). Надо полагать, что, въ одну изъ этихъ частыхъ поѣздокъ къ Узбеку, князь Иванъ Даниловичъ, между прочимъ, стяжалъ себѣ право быть главнымъ и единственнымъ сборщикомъ *ханскаго выхода*, т. е. денегъ, платимыхъ Русью ордѣ,—право государя московскаго, съ одной стороны, избавлявшее русскіе города отъ присутствія ненавистныхъ татарскихъ баскаковъ, а съ другой — служившее немаловажнымъ способомъ къ обогащенію самаго князя Ивана Даниловича, *калита* котораго, т. е. денежная киса, оказываясь всегда полною, давала ему возможность увеличивать московскій удѣлъ прикупами или *примыслами* не только разныхъ селъ, но и цѣлыхъ городовъ съ областями, при чемъ управленіе этими городами предоставлялось ихъ родовымъ князьямъ, а великій князь московскій довольствовался опредѣленнымъ съ нихъ доходомъ. Такъ великіе князья Дмитрій Ивановичъ Донской и сынъ его Василій, въ своихъ духовныхъ грамотахъ, именуютъ: первый—Галичъ, Угличъ и Бѣлозеро *куплею дѣда своего*, а второй — Кистьму (въ Бѣжецкомъ верхѣ) *куплею прадѣда* [43]). Не мудрено также, что эгоистическая привычка заботиться исключительно о наполненіи собственной калиты, соединившись, въ 1339 г., съ необходимостью обвести Москву дубовыми стѣнами, побудила князя Ивана Даниловича требовать отъ Новгородцевъ, сверхъ выплаченнаго сполна ордынскаго выхода, еще какой-то *запросъ Царевъ*, т. е. Узбековъ, на что Новгородцы отозвались, что «того у нихъ не бывало и отъ началу міра», а князь Иванъ Даниловичъ вывелъ своихъ намѣстниковъ изъ Новгорода и «не бѣ ему, говоритъ лѣтописецъ, мира съ Новымгородомъ» [44]). Но размирье съ Новгородомъ не могло уже тревожить государя московскаго, который писался тогда *великимъ княземъ всея Руси*, какъ видно изъ жалованной грамоты Ивана Калиты печерскимъ сокольникамъ, начинающейся такъ: «Се язъ князь великій Иванъ Даниловичъ всея Руси, пожаловалъ есмь сокольниковъ Печерскихъ, кто ходитъ на Печеру» и проч. [45]). По первому слову этого великаго князя *всея Руси*, дѣйствительно, садились на коней и спѣшили къ Москвѣ почти всѣ остальные русскіе князья, волею-неволею привыкавшіе считать государя московскаго своимъ главою, а Москву — новымъ средоточіемъ административнаго и духовнаго управленія всей русской земли. И Москва, въ качествѣ постоянной резиденціи великаго князя всея Руси, очевидно ласкаемаго корыстолюбивой ордой, росла, какъ говорится въ сказкахъ, не по днямъ, а по часамъ, обводясь дубовыми стѣнами вокругъ всего Кремля и украшаясь преимущественно храмами, которыхъ одинъ Калита успѣлъ воздвигнуть въ ней каменныхъ *пять*, а именно: Успенія Богоматери (нынѣшній Успенскій соборъ); Іоанна Лѣствичника, Поклоненія честныхъ вериги св. Петра, Спаса Преображенія на Бору и св. Архангела Михаила—нынѣшній Архангельскій соборъ, заложенный въ 1333 г., въ благодарность Богу за избавленіе русской земли отъ голода, слывущаго въ лѣтописяхъ *рослою рожью*.

Но ни процвѣтаніе Москвы, ни личное значеніе государя московскаго—не были сильны подавить въ душѣ Ивана Даниловича чувство ненависти къ Александру тверскому, который, лично явясь къ Узбеку, въ 1337 г., обезоружилъ хана покорностію и, съ его дозволенія, въ слѣдующемъ 1338 г., возвратился въ Тверь, охотно уступленную ему младшимъ его братомъ, добродушнымъ Константиномъ. Иванъ Даниловичъ, недовольный такой перемѣной въ Твери, отправилъ своего третьяго сына, Андрея, задобривать Новгородъ, а самъ, съ старшими сыновьями Семеномъ и Иваномъ, поѣхалъ въ орду, гдѣ, представивъ Узбеку дѣтей своихъ, «какъ будущихъ, говоритъ Карамзинъ, надежныхъ, ревностныхъ слугъ его рода», совершенно овладѣлъ довѣріемъ хана — и сталъ чернить Александра тверскаго, котораго описалъ закоснѣлымъ врагомъ орды, готовымъ возмутить противъ нея всю Россію, причемъ единомышленникомъ Александра выставлялъ князя Василія Давыдовича ярославскаго, хотя и женатаго на дочери Калиты, Евдоксіи, но ненавидимаго тестемъ. Навѣты великаго князя московскаго, не укрывшись отъ свѣдѣнія современниковъ, попали и въ Новгородскую лѣтопись, гдѣ, подъ 1339 г., сказано: «Ходи князь велики Иванъ въ орду, *его же думою* приславше Татарове, возваша Александра и Ва-

[40]) Ист. Гос. Росс. т. IV, прим. 292.

[41]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. III, с. 77.

[42]) Тамъ же, с. 78.

[43]) Собр. Гос. Грам. и Догов. т. I, №№ 34 и 41.

[44]) Никон. Лѣтоп. III, 79.

[45]) Акты Археогр. Экспед. I, № 2.

силія Давыдовича Ярославскаго и всѣхъ князей въ орду» [46]). Въ ожиданіи суда надъ Александромъ тверскимъ, Калита возвратился въ Москву, откуда, осенью 1339 г., снова послалъ въ орду сыновей своихъ Семена, Ивана и Андрея, вслѣдъ за которыми предсталъ Узбеку и несчастный князь тверской, 28 октября того же 1339 г. обезглавленнный и *розпятый по составамъ*, вмѣстѣ съ 14-ти лѣтнимъ сыномъ своимъ, Ѳедоромъ.

Мученическая смерть Александра тверскаго, пятнающая память Калиты, доставила государю московскому верховную власть надъ Тверью, князья которой Константинъ и Василій, братья Александровы, въ знакъ зависимости своей отъ Калиты, поспѣшили прислать въ Москву тверской соборный колоколъ отмѣнной величины, составлявшій славу и гордость Тверитянъ. Самъ Калита, радуясь гибели кровнаго врага своего, уже снаряжалъ, по повелѣнію ханскому, сильную рать на князя Ивана Александровича смоленскаго, дерзнувшаго вступить въ союзъ съ Гедиминомъ литовскимъ и желать полной независимости отъ хана. По этому поводу, въ самомъ началѣ 1340 г., явился на Русь ордынскій воевода Товлубій и повелъ полчища свои къ Смоленску, куда, въ тоже время, шли: съ одной стороны—князь Иванъ Коротополъ рязанскій, а съ другой — полки московскіе, ввѣренные великимъ княземъ, остававшимся въ Москвѣ, начальствованію двухъ воеводъ, подъ знаменами которыхъ находились князья: суздальскій, ростовскій, юрьевскій, друцкій и ѳоминскій, родичъ князя смоленскаго. Походъ этотъ, не стоившій Смоленску ничего, кромѣ взятки, по всей вѣроятности, данной смолянами Товлубію, замѣчателенъ только какъ послѣднее событіе княженія Ивана Даниловича Калиты, который, вслѣдствіе внезапной болѣзни, умеръ въ Москвѣ 31 марта 1340 г., успѣвъ, подобно своему отцу, распорядить удѣлы дѣтямъ и, въ послѣдній часъ жизни, принять схиму.

Но, на этотъ разъ, смерть гусударя московскаго, благодаря систематическому труду всей жизни Ивана Даниловича Калиты, уже не могла ни лишить Москву пріобрѣтеннаго ею значенія, ни сколько нибудь измѣнить порядокъ вещей на Руси, созданный усиліями и искусствомъ *собирателя русской земли*, какъ прозвали Калиту его современники. То и другое весьма предусмотрительно упрочивалось словами духовной грамоты Ивана Даниловича: «приказываю *сыномъ своимъ* отчину свою Москву» — словами, выражающими постоянное убѣжденіе собирателя русской земли, что собираніе это— и, разумѣется, къ Москвѣ—не можетъ быть ни продолжаемо, ни осуществляемо, если не связать дальнѣйшую судьбу Москвы съ матеріальными интересами не одного лица, а цѣлой группы лицъ, крѣпкой единствомъ видовъ и побужденій. По обезпеченіи, такимъ образомъ, политической будущности Москвы, собиратель русской земли, тою же духовную грамотою, безобидно подѣлилъ собранные участки «сыномъ своимъ», изъ которыхъ Семенъ получилъ: Можайскъ, Коломну со всѣми волостями, Городенку, Мезыню, Песочну, Похряне Устьмерьску, Брошевую, Гвоздну, Лѣвичинъ, Скулневъ, Каневъ, Гжелю, Горѣтову, Горки и многія селы; Иванъ — Звенигородъ, Кремичну, Рузу, Фоминьское, Суходолъ, Угожь, Ростовьци, Тростну, Нечугу и нѣкоторыя слободы и села; Андрей — Серпуховъ, Лопастну, Сѣверьску, Нивну, Голичичи, Щитовъ, Перемышль, Тухачевъ и села. Остальные прикупы и примыслы Калиты—«Сурожикъ, Мушкина гора, Радонежьское, Бѣли, Воря, Черноголовль, на Вори свободка Софроновьская, Вохна Дѣйково Раменье, Данилещова свободка, Машевъ, Селпа, Гуслиця, Раменье, что было за княгинею; да села: Михайловьское, Луциньское, село у озера, Радонѣжьское, Дѣйгуниньское, Тыловское, Ротожь, Протасьевское, Аристовское, Лопастеньское, Михайловское на Яузѣ, Б (2) селѣ Коломеньскии» — назначались въ удѣлъ «княгини съ меншими дѣтми» (дочерьми), хотя княгиня, жена Калиты, по имени Елена, умерла еще въ 1332 г., и тогда же погребена въ Москвѣ, у Спаса на Бору. Все движимое, вещевое, имущество Ивана Даниловича Калиты—также перечислено и распредѣлено въ его духовной грамотѣ, которая, по этому, до нынѣ остается любопытнымъ памятникомъ домашняго быта московскихъ великихъ князей XVI вѣка. «А при своемъ животѣ, пишетъ Калита, далъ есмь сыну своему Семену 4 чепи золоты, 3 поясы золоты, 2 чаши золоты съ женчюги, блюдце золото, съ женчюгомъ съ каменьемъ, 2 чума (черпальца) золота большая; а исъ судовъ исъ серебрьныхъ далъ есмь ему 3 блюда серебрьна... А изъ золота далъ есмь сыну своему Ивану: 4 чепи золоты, поясъ золотъ болшии съ женчюгомъ съ каменьемъ, поясъ золотъ съ капторгами (?), поясъ сердониченъ золотомъ окованъ, 2 овкача (родъ кубковъ) золоты, 2 чашки круглыи золоты, блюдо серебрьно ѣздниньское, 2 блюдци меншии.... А изъ золота далъ есмь сыну своему Андрею: 4 чепи золоты, поясъ золотъ Фрязьский съ женчугомъ съ каменьемъ, поясъ золотъ скрюкомъ на червьчатѣ шелку, поясъ золотъ Царевьский, 2 чары золоты, 2 чумка золота меншая, а изъ блюдъ блюдо серебрьно, а два малая.... А что золото княгини моее Оленино, а то есмь далъ дчери своей Фетиньи 14 обручи и ожерелье матери ее, монисто новое, что есмь сковалъ; а чело и гривну, то есмь далъ при собѣ. А что есмь придобылъ золота, что ми далъ Богъ, и коробочку золотую, а то есмь далъ княгини своей съ меншими дѣтми. А исъ портъ (платьевъ) изъ моихъ сыну моему Семену кожухъ черленый женчужный, шапка золотая; а Ивану сыну моему кожухъ желтая обирь (объярь) съ женчугомъ коць (одежда, опушенная мѣхомъ) великий съ брмами; Андрею сыну мое-

[46]) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. III, с. 78.

му бугай соболий съ наплечки съ великимъ женчугомъ съ каменьемъ, скорлатное портище съ бармами. А что есмь нынѣча нарядилъ 2 кожуха съ аламы (накладные воротники) съ женчугомъ, а то есмь далъ меншимъ дѣтемъ своимъ Марьи же Федосьи ожерельемъ. А что моихъ поясовъ серебрьныхъ, а то роздадять по попьямъ. А что мое 100 рубли у Ески, а то роздадять по церквамъ. А что ея остало изъ моихъ судовъ изъ серебрьныхъ, а тымъ подѣляться сынове мои и княгини мои. А что ся останеть отъ моихъ портъ, а то роздадять по всимъ попьямъ и на Москвѣ. А блюдо великое о 4 колця, а то даю святѣй Богородици Володимерской. А что есмь далъ сыну своему Семену стадце, а другое Ивану; а иными стады моими подѣляться сынове мои и княгини моя» [47]).

Слѣдовательно, задача возвышенія Москвы, одолженная началомъ своимъ отцу Калиты Данилѣ Александровичу и, такъ сказать, заявленная Руси и ордѣ братомъ Калиты Юріемъ Даниловичемъ, была, съ помощію Татаръ, окончательно разрѣшена самимъ Калитою, ближайшимъ преемникамъ котораго, уже спокойнымъ относительно Суздаля, Рязани и Твери, оставалось только не измѣнять *московскую* политику въ ордѣ и поддерживать свое достоинство въ Новгородѣ, а преемникамъ последующимъ—надлежало продолжать и развивать дѣло, завѣщанное предками. Въ какой степени выполнили свое политическое назначеніе ближайшіе преемники Калиты, его сыновья Семенъ и Иванъ,—еще при жизни отца напитанные московскими принципами и искушенные частыми поѣздками въ орду,—доказываютъ: прозваніе *Гордаго*, данное современниками вел. кн. Семену Ивавичу, и умѣнье вел. кн. Ивана II Ивановича, хотя слывшаго *Кроткимъ*, оставить 9-ти лѣтнему сыну своему Дмитрію такихъ руководителей, которые, воспитывая Дмитрія, спасли новое значеніе Москвы отъ старинныхъ притязаній Суздаля, а въ самомъ Дмитріѣ воспитали будущаго Донскаго. Что же касается послѣдующихъ преемниковъ Калиты, они выполнили завѣтъ предковъ какъ нельзя лучше—и Москва, сосредоточивъ въ себѣ всю характеристику дальнѣйшей русской исторіи до самаго Петра, прослыла и до нынѣ слыветъ сердцемъ Россіи.

М. Д. Хмыровъ.

74) Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, т. I, № 2.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 ноября 1871 года.

Печатня В. И. Головина, у Владимірской церкви, д. № 15.